

ЗАМЕТКИ О НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Б. Б. КАФЕНГАУЗ

Открытие археологической экспедицией во главе с А. В. Арциховским новгородских берестяных грамот дает в руки историков новый источник по истории русского феодализма периода XI—XV вв. В первый выпуск публикации грамот вошло 10 грамот и надписей, открытых в 1951 г., вторая книга охватывает уже 73 грамоты, найденные в 1952 г., в третьей книге опубликованы 53 грамоты и в четвертой — еще 58 грамот; всего до 1955 г. включительно открыты 194 грамоты, изданные в четырех книгах, вышедших в 1953—1958 гг.¹ К сожалению, до сих пор, кроме археологов, берестяными грамотами занимались всего более лингвисты и палеографы, тогда как значение нового источника для исторической науки еще не освещено в достаточной степени².

Особенностью вновь открытых грамот является прежде всего то, что многие из них относятся к тем столетиям нашей истории, от которых дошло лишь небольшое количество источников, причем главным образом официального порядка, таких как юридические сборники (Русская Правда и т. п.), или литературного характера (летописи, повести и т. п.). Большая часть этих грамот касается хозяйственной жизни: росписи оброка, долговые записи или же письма житейского, бытового содержания, представляющие большой интерес для изучения социально-экономической истории нашей Родины за XI—XV вв. Берестяные грамоты дают также материал для истории права, для истории быта и культуры. Трудность изучения вновь открытого источника вызывается дефектностью большинства грамот, дошедших до нас с оторванным началом или концом, обрезанными и т. п. Другое затруднение заключается в необходимости их предварительного комментирования, установления значения отдельных слов и общего смысла грамот.

Задачи научного издания берестяных грамот в вышедших четырех книгах поставлены следующие. Прежде всего дан подробный анализ хода раскопок, приводятся данные о месте находок грамот, о культурном слое и т. п. Публикация грамот дается: 1) в виде фото с каждой грамоты, 2) в виде прорисей с грамот, 3) путем воспроизведения грамоты печатным шрифтом в полном соответствии с подлинником, 4) посредством печатания грамот с разделением на отдельные слова, и наконец, 5) в издании содержится перевод грамоты с толкованием отдельных слов и ее общего смысла. Такая последовательно проведенная система публикации каждой грамоты, действительно, должна обеспечить необходимые условия для изучения нового источника.

Приходится, к сожалению, отметить нечеткость изданных в первом и втором выпусках фотографий с берестяных грамот, вследствие чего исчезает возможность их прочтения и использования в научных целях. Только очень немногие из опубликованных грамот могут быть прочитаны по прилагаемым фото (№ 20, 67), на некоторых снимках можно прочесть лишь отдельные слова (№ 23, 53, 54). Но значительная часть снимков настолько нечетка, что прочесть можно только некоторые буквы. В третьем и четвертом выпусках публикации находок 1953—1955 гг. фото уже значительно лучше. Ввиду невозможности или трудности чтения фотографий читатель публикации вынужден пользоваться прорисями. Но в прорисях при всей их ценности неизбежна известная субъективность, читатель должен довериться лицу, прочитавшему грамоту и передавшему ее в виде прорисей.

Следующая стадия — передача печатным шрифтом грамоты — поддается проверке в сопоставлении с прорисями и фото. В какой мере и здесь возможно не вполне

¹ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте, М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), М., 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), М., 1958.

² Сб. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955; см. также статью В. Д. Кузьминой и А. Л. Хорошкевич «Зарубежные отклики на открытие новгородских берестяных грамот» («История СССР», 1958, № 5).

убедительное прочтение грамоты можно видеть из следующих примеров. Грамота № 12 прочитана издателем следующим образом: «сидоре дворян яколь». Но в прориси ясно видна в слове «дворян» следующая буква или часть буквы, может быть буква «и», она также отчетливо видна и на фотографии. Однако в передаче печатным шрифтом эта буква или часть буквы осталась невоспроизведенной и это является правилом: части букв при печатании не воспроизводятся. Может быть, следовало бы давать их предположительное чтение, поставив в скобки. В грамоте № 55 в печатном тексте сказано: «возми дворнюю х Фомине жене», но нам кажется, судя по прориси, что можно читать иначе: «у Фомине жене». В грамоте № 73 издатель прочитал первую строку следующим образом: «насмьнетр». Между тем, в прориси, так же как и на фото, последняя буква скорее читается как «о», а не «р». Издатели не считают нужным указывать варианты возможных различных чтений грамот, не отмечают сомнительных мест.

Трудно также согласиться с отдельными случаями отказа прочесть дефектную грамоту. Так, при воспроизведении грамоты № 18 отмечено, что она «разрезана таким образом, что разделению на слова не поддается». Однако этот отрывок легко поделить на отдельные слова, можно прочесть в первой строке слово «брат», во второй строке — «надо», в третьей строке — «нет, не буде», в четвертой — «жалуете ино», пятая строка читается «бывать, а вам». Следовательно, и эту грамоту необходимо было печатать также и с разделением на отдельные слова.

* * *

Следующей важнейшей стадией работы является правильное понимание текста каждой грамоты, ее толкование. Это требует объяснения отдельных слов грамот, а также общего смысла и научного значения текста. Установление текста грамоты и его правильное понимание дают возможность дальнейшего использования ее в науке. И в этом отношении заслуги издателей грамот и авторов комментариев к ним в вышедших выпусках исключительно велики; подавляющая часть грамот снабжена отличными комментариями, не возбуждающими сомнений. Только в отдельных, редких, правда, случаях предложенные объяснения не представляются достаточно убедительными. Конечно, следует иметь в виду, что здесь вполне допустимы разногласия между учеными, общее мнение не скоро будет установлено, и в некоторых случаях в изданиях грамот приведены различные толкования (см., напр., грамоту № 31).

Остановлюсь на некоторых грамотах, понимание которых, предложенное издателями, является, по моему мнению, не вполне убедительным.

Грамота № 50, отнесенная к XIV в., читается следующим образом: «3 дежи третьи... Радославомо дижа семая. Воислали 2 дежи... дослала ис половия 13 улоки. За Олександромо лонеского жита 13 улоки. Олександре дале Коромолнику 3 улки верши. Волосе на Хомутини у ... искорми. Ладога 3 дежи. Ондришку 4 улки искорми. 14 улки овиса Олександр с Волосомо». Издатель правильно разъяснил значение отдельных слов (дежа — квашня, мера; улока — мера; вершь — яровой хлеб и т. д.). Но вместе с тем не объяснен общий смысл этого документа, комментарий ограничивается указанием, что грамота «интересна в качестве документа сельскохозяйственной отчетности, представляя собой, подобно другим грамотам, новый тип документа».

Между тем, берестяная грамота № 50 не является новым типом документа, а также не может быть отнесена к отчетным материалам. Такого же типа грамоты XIV в. сохранились в архиве Троице-Сергиевской лавры. Они опубликованы в сборнике «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси», где эти документы вполне правильно понимаются издателями как роспись оброков с троицких деревень³. Берестяная новгородская грамота № 50 также является не чем иным, как росписью оброков, получаемых феодалом с зависимых крестьян.

В толковании другой новгородской грамоты XIV в. (№ 41) издатель проявляет излишние колебания, тогда как смысл ее достаточно ясен. Отрывок грамоты гласит: «те данте намъ волно ходи... ..кунахъ землю вам оистимъ, а вам кланяемся».

³ «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I, М., 1952, стр. 156—157.

А. В. Арциховский признает, что здесь речь идет о денежном обязательстве, но затем говорит: «Дальше шло обещание очистить землю. Понимать это можно различно. Может быть, речь шла об освобождении земли от залогов или недоимок, может быть, об очистке ее от камней и пней». Между тем, надо признать смысл этой грамоты достаточно ясным. Речь идет о залоге земли, о получении ссуды и об освобождении от этого долга при условии передачи земли в собственность кредитора. Слово «вольно ходи... ..кунах» можно сопоставить со статьей 55 Русской Правды, где говорится о снятии с закупа его долгов: «свобода во всех кунах». Слово «очистить» означает в древнерусских грамотах свободу земли от долгов и претензий, если претензии такого рода будут предъявлены, то по ним должен отвечать не покупатель, как новый собственник земли, а продавец, т. е. прежний собственник. Например, в одном из документов 1393 г. сказано о земле: «сыну моему цыста (т. е. чиста.— Б. К.) по купным грамотам»⁴. В другом документе (около 1380—1417 гг.) читаем: «А хто ту землю наступит, и та земля очищать прикащику»⁵.

По аналогии с этим и новгородскую грамоту № 41 следует понимать как исходящую от крестьян или мелких земельных собственников: они уступают землю в качестве залога при займе новгородскому феодалу или ростовщику. Когда настал срок уплаты долга, они просят об освобождении их от долга при условии передачи земли кредитору с обычным обязательством считать ее свободной от возможных долгов или претензий.

При издании новгородских грамот в ряде случаев текст оставлен почти без пояснений. В комментариях не во всех случаях исчерпаны возможности, имеющиеся в науке, для объяснения нового источника. Приведу несколько примеров неполного или недостаточного комментирования грамот.

Большой интерес представляет отрывок грамоты № 75, относящийся к XII в.: «О ти заято въ треть». Издатель ограничился кратким пояснением: «Глагол «заяти» употреблялся в древней Руси в смысле «взять взаймы» (см. словарь Срезневского)». Здесь оставлены без внимания слова «в треть». Эти слова весьма важны и становятся понятными, если вспомнить статьи 47 и 48 Русской Правды о взимании процентов; там имеется то же выражение: «дадут ему куны в треть», «емлетъ в треть куны». Большинство комментаторов Русской Правды считают, что здесь речь идет о взимании процентов в размере 50%. До сих пор отсутствовали другие данные о процентах «в треть». Новгородская грамота является еще одним свидетельством рядом с Русской Правдой о взимании процентов «в треть». Вероятно, правильнее было бы читать весь отрывок новгородской грамоты несколько иначе, по-иному разделив его на слова: «о ти зая, то в треть», т. е. если ты занял, то плати в треть. В этой связи следует также упомянуть еще грамоту № 170, где также фигурирует «треть» при денежных расчетах. Но, к сожалению, от нее уцелело лишь несколько слов.

При комментировании грамоты № 59 издатель также прошел мимо необходимого для ее понимания обращения к Русской Правде. Грамота следующего содержания: «Поклоно от Омросии ко Степану... Язо во поруки за сироти, а ны... полои води язо выдаю с тоб... мысли вся, тако буду к тоби, а ты виши а... а дар ко соби восми, а посемо болша бу...». По поводу нее в комментарии сказано: «Автор письма берет на поруки каких-то сирот. Упоминается половодье. Все слова понятны, только слово «виши» без полного контекста уяснить трудно. Но грамоту в целом истолковать нельзя, текст прерван пять раз».

Однако грамота № 59 представляет значительный интерес и на ней следует остановиться внимательно. Слово «дар» хорошо известно (напр., см. новгородскую берестяную грамоту № 1), оно означает доход от феодального имения, оброк с крестьян. Для понимания грамоты в целом надо привлечь статью 93 Русской Правды о наследовании и опеке над детьми-наследниками. Опекуном становится один из близких родственников, закон предписывает опекуну принять сирот с их имуществом до совершеннолетия, причем в случае дохода от торговых или ростовщических операций, связанных с этим имуществом, опекун имеет право на «прикуп» или прибыль. В связи с этой статьей Русской Правды становится ясным и смысл новгородской грамоты. Автор

⁴ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.— Л., 1949, стр. 166.

⁵ «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в.», т. 1, стр. 27.

письма Омвросий соглашается быть поручителем или опекуном над сиротами, но за невозможностью выехать из-за половецкой поручает заботу о сиротах адресату Степану. В полном соответствии с Русской Правдой он предоставляет Степану взять себе доход с крестьян за это время. В этой новгородской грамоте историки впервые получают конкретный материал, иллюстрирующий 93 статью Русской Правды; других данных такого же рода до сих пор в науке не имелось.

Недостаточным следует признать комментарий и к грамоте № 30, гласящей: «От Якова к Евану. Что слышь ко мне про серебро, то ведаю, аже ты дале серебро на себе, то ведаю, а иного не ведаю: како ли ты венилеся, како ли что дале еси рубль на себе». Издатель поясняет этот долговой документ следующим образом: «Трудно понять в этой грамоте противоположение серебра и рубля. Яков знает, что Иван дал на себе серебро, но не знает, дал ли Иван на себе рубль. Вероятно такое толкование: Яков слышал про отдачу какого-то долга, но не знает, отдан ли определенный долг размером в рубль».

Думается, что смысл грамоты более ясен, чем это представлено в комментарии. Здесь говорится о серебре в смысле долга без обозначения его размера. «Дать на себя серебро» — значит взять деньги в долг. Слово «венилеся», или винился, надо понимать как признание за собой долга на суде. Например, в Псковской Судной грамоте, где часто упоминается «серебро» в смысле ссуды или долга, в статье 51 крестьянин-изорник говорит на суде: «у тебе есми на селе живал, а тебе есми не виноват», т. е. он не признает за собой долга. В новгородской берестяной грамоте должник, напротив, признает свой долг, но автор письма не знает, в какой сумме адресат признал себя должным, в размере рубля или больше.

Отмечу также, что в грамоте № 45 едва ли правильно объяснено слово «соцетесея» в смысле сочтетеся. Возможно, что это слово следует сопоставить с хорошо известным по Псковской Судной грамоте глаголом «сочить» в смысле искать по суду, взыскивать. А. В. Арциховский отказывается от понимания этой грамоты в целом из-за оборванности документа. Между тем, смысл ее представляется мне достаточно понятным. Грамота: «Се соцетесея добро со Семеном на полотеретея рубля на 3 годы полоцтевертынатца гривно, а рубл...». Она может быть переведена следующим образом: Вот хорошо взыскано с Семена (или хорошо договорились с Семеном о получении) за 2½ рубля в течение трех лет по 13½ гривны, а рубль...

В грамоте № 53 («Поклон от Потра к Марье. Покосиле есмь пожню, а Озеричи у мене сено отъяли. Спиши список с купной грамоте, да пришли семо...» и т. д.) комментатор видит письмо горожанина к жене о захвате его покосов другим новгородцем-горожанином. Он считает, что если бы автор письма был феодалом, то «крестьяне не решились бы отнять его сено». На этом основании автор письма и адресат отнесены к городскому трудовому населению и даже делается вывод о распространении грамотности среди «рядового трудящегося населения». Но частые дела о нарушении права собственности как со стороны соседа феодала, так и со стороны крестьян не позволяют делать подобный поспешный вывод. Автор письма мог быть и феодалом, а нарушителями его права на пожню скорее всего были жители села Озеры, т. е., вероятно, крестьяне.

В грамоте № 55, от толкования которой в целом издатель отказывается ввиду ее отрывочности, едва ли правильно было бы понимать слово «дворнюю» в смысле дворян, как это предложено в издании грамот. В конце грамоты речь идет о «дворной грамоте», т. е. о документе, подтверждающем право собственности на двор. При таком понимании смысл этой грамоты становится более ясным. Грамота читается следующим образом: «...господине возми дворнюю х фомине жене в Акосове... ..господине торговати беле во н... ко мне дворнюю грамоть если х те...». Как указано было выше, возможно, что следует вместо «х» читать «у». Тогда смысл ее может быть следующий: господин, возьми дворную (грамоту) у Фоминой жены в Акосове... и далее ко мне дворную грамоту, если (она) у тебя.

Среди грамот из раскопок 1953—1954 гг. трудно согласиться с предложенным пониманием грамоты № 92: «На Сলেখове. на Стефане лосось. На шурина его лосось. На Сидоре лосось. На брате его лосось. На Флоре 28, 12. На Зайце 4 белки. На Лавре 2 лосося. На Олферии 9 лососей. На Суйке 9 лососей. У Петра 13 лососей» и т. д. Комментатор видит в авторе этой записи купца, торгующего лососями, а в перечис-

ленных лицах — рыбаков, продавших купцу свой улов. При этом издатель отказывается считать перечисленных в грамоте людей феодальнозависимыми. Однако запись эта допускает и другое понимание. Сলেখово, вероятно, является названием села. Надо иметь в виду, что здесь перечислены не только лососи, но и белки. Перед нами не запись товара, а перечень оброка, уплачиваемого зависимыми крестьянами феодалу рыбой и белкой. Автор письма — феодал или приказчик. Уплата оброка рыбой весьма часто встречается в новгородских писцовых книгах.

Правильное в целом объяснение дано грамоте № 105, относящейся к рубежу XI и XII вв., но и здесь требуется некоторое уточнение или несколько большая осторожность. Текст грамоты гласит: «От Сьмька къ Коулотъке. Оже то еси казале Несъде веверичь тихъ дела, коли то еси приходе в Роусъ с Лазъвкъмъ, тьгъдъ възяле оу мене Лазъвке Переяславъле». При первой публикации этой грамоты в журнале «Вопросы истории» (1954, № 3) она рассматривалась как письмо киевлянина или переяславца, писавшего из Киева к новгородцу. Но в окончательной публикации в отдельной книге не говорится об этом столь определенно. Русь здесь означает Южную Русь или Киевскую землю, веверица — мелкую денежную единицу. Автор письма Семка пишет, что он вместе с адресатом Кулоткой и с Лазовкой был в Переяславле и последний взял у него деньги в долг, Семка узнал об этом у четвертого упоминаемого лица — Несды.

Вполне возможно и другое понимание: эта грамота могла быть не письмом из Киева в Новгород; упомянутые в ней лица все могли быть купцами-новгородцами, ездившими вместе на юг и там задолжавшими один другому, а по возвращении в Новгород они разбирали споры между собой, т. е. и автор и адресат письма были новгородцами и писали один другому в Новгороде.

* * *

Следует отметить ряд грамот о древнерусском холопстве, правильно объясненных в публикации и пополняющих наши сведения о холопах. К XIV в. издатели относят грамоту № 98, где речь идет о разделе холопов. По-видимому, грамота обращена к посаднику Онцифору Лукиничу, яркой фигуре новгородской истории XIV в. Адресат пишет: «роба и холопо твои, дете мои». Под «робой» древнерусские наместники разумели рабыню, а холопом называли раба-мужчину. Как и статья 93 Русской Правды, эта грамота свидетельствует о наследственности холопства⁶.

О торговле рабами говорится в грамоте № 109, которая и в другом отношении представляет значительный интерес. Она относится к XI в., т. е. является одной из наиболее древних грамот. Тем более интересно совпадение ее содержания с Русской Правдой. А. В. Арциховский правильно указывает на близость ее к статье 14(13) Краткой Правды, где говорится о розыске пропавшей вещи путем «свода», т. е. путем отыскания вора, перепродавшего вещь, переходя от одного продавца к другому. При этом нужен был поручитель, что человек, у которого вещь найдена, не вор, а лишь виновен в невольной покупке украденного. В Русской Правде (статья 15 или, по другому счету, 16 Краткой редакции) свод применяется и в случае пропажи холопа. Нельзя просто забрать пропавшего раба (челядина); господин, опознавший своего беглого раба, должен узнать у кого он был куплен его, новым владельцем, идти на «свод». Об этом же говорится в ст. 33 Русской Правды, о том же речь идет в берестяной грамоте № 109. Автор Жизномир пишет Микуле, что тот купил, по-видимому, для него рабыню в Пскове, но на нее предъявила права княгиня как на беглую. Жизномир привлечен к ответственности, но дружина поручилась за него; и он просит Микулу купить коня и, посадив на него княжеского мужа, отправиться на «свод» к «тому мужу», у которого Микула купил рабыню⁷.

О выкупе рабыни идет речь в грамоте № 155, относящейся к XII в. Цена рабыни по этой грамоте — 12 гривен — соответствует высшей цене раба или рабыни, известной нам по Русской Правде (ст. 11 и 12 Пространной Правды).

Для социально-экономической истории представляет интерес обилие указаний бе-

⁶ См. «Правда Русская», т. II, 1947, стр. 664 (комментарий к с. 103).

⁷ См. Л. В. Черепнин. Русская палеография, М., 1956, стр. 123.

крестьянских грамот на ростовщичество и долговые отношения: на некоторых из них я уже останавливался выше, но следует возвратиться снова к этому вопросу. Уже отмечались грамоты, где речь идет о «третьих» процентах, упоминаемых также в Русской Правде. Грамот о долговых обязательствах особенно много в последнем (четвертом) выпуске издания берестяных грамот из раскопок 1955 г. Вот, например, грамота № 138, являющаяся записью новгородского ростовщика Сильвестра. В ней перечислены 12 должников и против каждого имени поставлена сумма долга: «Се азо, рабо божии Селивстро напсахъ роукописание. Оу Лоуныка полтина, Оу Захарьи полтина...» и т. д. Но против имени некоторых должников стоит не только денежная сумма, но указаны также вещи: «Оу Смена оу Яколя двои чеи в 2 рубля с крестомъ, брони во 2 серебра... И оу Петраица бумажнико и корова пороуцная... Оу Слинька шапка в 13 гривне...» и т. д. В пояснение этой грамоты указано, что Семен задолжал ростовщику Сильвестру две цепи с крестом, оцененные в 2 руб., другой был должен броню ценой в 2 руб. серебром. Но здесь же дается иное толкование, что цепи, броня и шапка были куплены Семеном и другими лицами у ростовщика в кредит за указанные суммы.

Считаю возможным предложить несколько отличное от этого толкование данной статьи. Может быть правильнее понимать ее в том смысле, что здесь указан заклад, принятый ростовщиком в обеспечение долга, размер которого здесь же упомянут. Не случайно при объяснении этой статьи А. В. Арциховский указывает на постановление Псковской Судной грамоты, что иск, основанный на одной записи о долге без залога, признается недействительным.

О долговых отношениях речь идет в грамоте № 140: «Господину Сымену Марко целомо бьетъ. Упомни, что есмь платилъ серебро перьдо тобою Давыду. А тогды уличане поминале». Издатели грамоты остановили внимание на термине уличане, т. е. жители улицы, которые составляли в Новгороде корпорации. Речь здесь идет об уплате долга («серебра»), причем автор письма напоминает, что уплата происходила перед уличанами как перед свидетелями. Напомним, что по Русской Правде при иске о долге требовалось привести в суд свидетелей в его уплате, только долговые отношения между купцами оставались в силе и без свидетелей (см. Пространная Правда, ст. 43—46).

О зкладе при ростовщических ссудных операциях говорится также в грамоте № 141. В этой грамоте Гришка и Коста положили у ростовщика сумки (тоболы) с платьем, шапками и рубашами. А. В. Арциховский справедливо видит здесь ломбардную операцию или заклад.

Еще интереснее следующая грамота № 142, целиком сохранившаяся, но трудная для понимания. В ней говорится о процентах («наклады») и основном капитале или «исте», последний термин хорошо известен по Русской Правде. В издании грамот дано правильное объяснение отдельных терминов этой статьи, но толкование ее можно несколько дополнить. По нашему мнению, в этой грамоте речь идет о зкладе села, о займе под залог земли. Должник, заложивший свою землю, уже отдал долг и за ним осталась лишь уплата процентов, он хочет вернуть себе село, предоставляя кредитору лишь право собрать последний урожай. В переводе эта грамота начинается следующим образом: «От Есифа к Онфиму. Если пришет от Марка к тебе людей Олекса или к жене моей, отвечай ему так: как ты, Марк, договорился со мною я выведу к тебе на Петров день (29 июня) и осмотрю свое село, а ты снимешь свою рожь, а я отдам тебе проценты, а основной долг отдан...».

В грамоте № 61 (XIII в.) говорится о госте, приславшем огромную сумму в 25 гривен серебра, причем упомянута «истина», т. е. основная сумма долга, не считая процентов. Долг состоял из 10 пудов меда. Следует заметить, что о займе медом с уплатой процентов натурой говорится в статье 46 Пространной Правды.

Чаще всего в найденных до сих пор берестяных грамотах речь идет о феодальных повинностях в виде оброка. Авторами писем и адресатами были новгородские землевладельцы или их приказчики. Часто упомянуты в грамотах крестьяне как плательщики оброка, это смерды, сироты, жители новгородских сел и деревень. Эти грамоты, найденные в городе, а не в селах, показывают, что Новгород являлся центром феодальной республики, что крупнейшие землевладельцы жили в Новгороде, откуда направляли свои распоряжения приказчикам, находившимся в деревнях, а последние доносили о всех хозяйственных делах своим господам.

Можно говорить даже об остатках или обрывках феодального архива в виде грамот семьи видного новгородского феодала посадника Онцифора, его сына Юрия и внука Михаила, найденных вблизи от места, где находился каменный дом этой знатной новгородской семьи. Об Онцифоре говорится в отрывке грамоты XIV в. № 180: «...ни и детии еи к Онцифору». Она найдена возле каменного терема его сына Юрия Онцифоровича. Особенно интересна грамота № 94, содержащая жалобу крестьян, обращенную к сыну этого посадника, к Юрию Онцифоровичу. Крестьяне жалуются на ключника: «Биють целом крестьяне господину Юрию Онцифоровичу о ключнике Зандо. Господине не можемъ ничимъ ему оудобритися. Того, господине, съ села... господине, буйнать. А себе, господине...». К тому же Юрию Онцифоровичу обращено другое челобитие крестьян (грамота № 167). Его сыну Михаилу Юрьевичу также жаловались крестьяне на распоряжения ключника, о чем говорится в грамоте № 157.

Феодальные повинности крестьян, судя по грамотам, обычно состояли в уплате натурального оброка (встречается и денежный оброк — грамота № 162), что соответствует и показаниям новгородских писцовых книг. Берестяные грамоты говорят об оброке хлебом, рожью и рыбой. Но, кроме того, в них много конкретных деталей земледельческого быта в феодальных условиях. Приказчик Михаил пишет своему господину Тимофею: «Земля готова, надобе семена. Пришли, осподине, целовець спроста, а мы не смиемъ имать ржи безъ твоего слова» (№ 17). В другом случае приказчик сообщает господину, что он разделил с крестьянами урожай: «Ньмного, осподинь, ржи на твою часть, два овина цътверти» (грамота № 23). Крестьяне (Мысловы дети) обязались господину давать оброк в размере 6 коробей ржи и 1 короб пшеницы, 3 короба солода, 3 куницы, 1 пуд меда, 3 белки, 3 горсти льна, баран, холст (грамота № 136). Натуральный оброк носит в грамотах различные названия — дар, празга.

В заключение отмечу, что в литературе утвердилось название нового источника берестяными грамотами. Его можно признать вполне правильным и точным, тем более, что в двух случаях в самом источнике грамота прямо названа «бересто»: № 27 — «Послал язю к тоби бересто...», № 40 — «кто придет з берестом». В третьем случае имеется название «грамота»: «како приде ся грамота» (грамота № 43). Вместе с тем издатели неоднократно указывают, что в летописях и в юридических памятниках, как, например, в Псковской Судной грамоте, упоминаются «доски», которые они отождествляют с берестяными грамотами (в комментариях к грамоте № 138).

Следует отметить, что в одном случае действительно найдена доска в настоящем смысле этого слова. Это азбука, алфавит, из 36 букв, вырезанная на дощечке размером в 18×7 см и относящаяся к XIII в.⁸ Дальнейшие изыскания должны показать, является ли эта находка единичной и следует ли отождествлять «доски» Псковской Судной грамоты и Новгородской летописи с берестяными грамотами, что мне представляется вполне возможным. Неясным остается, как хранились берестяные грамоты; может быть, они складывались между досками, которые образовывали род переплета, откуда могло произойти и название «доски». Дальнейшие находки, возможно, ответят и на этот вопрос.

Новый исторический источник чем дальше, тем все более широко будет использоваться историками, лингвистами и др. Берестяные грамоты помогут лучше изучить социально-экономический строй Руси XI—XV вв., послужат для более углубленного комментирования Русской Правды и других памятников, дадут также материал для истории русского языка и культуры.

⁸ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), стр. 79—81.

